

COLLOQUIA RUSSICA

Series I, vol. 7

RUS' AND THE WORLD OF THE NOMADS (THE SECOND HALF OF 9TH–16TH CENTURY)

Publication from the 7th
International Scientific Conference,
Plzeň, 23th–26th November, 2016

Editor
Vitaliy Nagirnyy

Krakow 2017

Editorial board:

Dariusz Dąbrowski (Bydgoszcz), Đura Hardi (Novi Sad),
Aleksy Martyniuk (Minsk), Adam Mesiarkin (Bratislava),
Vitaliy Nagirnyy (Krakow) – editor, Kinga Trzcińska (Kraków)
Pavel Vařeka, (Plzeň), Myroslav Voloshchuk (Ivano-Frankivsk),
Barbara Żurek (Krakow) – editorial assistant

Advisers:

Aneta Gołębiowska-Tobiasz (Plzeň)

Revision, translation and stenographic recording:

Magdalena Frączek, Marcin Klemenski, Andrea Königsmarková,
Halina Poslavska, Taťána Součková, Andriy Stasiuk

Desktop publishing:

Barbara Żurek

Cover design:

Barbara Żurek

On cover:

front page:

Miniature of the Radziwiłł (Königsberg) Chronicle

last page:

„Military confrontation of Rus' and the Polovtsian Steppe
(the second half of 11th – beginning of 12th century)”, by Stsiapan Tsemuschau

Editorial board might not share contributors views and their opinions

are not to be identified with Editorial board's outlook.

Copying and reprinting without written permission
from the Editorial board is forbidden

© Copyright by the Jagiellonian University
Krakow 2017

ISSN 2353–219X

Editorial board:

Zakład Historii Europy Wschodniej
Instytut Historii Uniwersytet Jagielloński
ul. Gołębia 13, p. 303, 31–007 Krakow

COLLOQUIA RUSSICA

Seria I, tom 7

RUS A SVĚT KOČOVNÍKŮ (DRUHÁ POLOVINA IX.–XVI. STOLETÍ)

Materiály ze VII. Mezinárodní
vědecké konference,
Plzeň, 23.–26. listopadu 2016

**Vědecký redaktor
Vitaliy Nagirnyy**

Krakov 2017

COLLOQUIA RUSSICA

Серия I, том 7

РУСЬ И МИР КОЧЕВНИКОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА IX–XVI ВВ.)

Материалы VII Международной
научной конференции,
Пльзень, 23–26 ноября 2016 г.

**Научный редактор
Виталий Нагирный**

Краков 2017

Contents

Preface	13
Předmluva	16
Предисловие	19
The list of the participants of the conference	23
The welcoming speech by the Head of the Department of Germanic and Slavic Studies, Mgr. Andrea Königsmarková, PhD. and the Dean of the Faculty of Philosophy and Arts University of West Bohemia, Doc. PhDr. Pavel Vařeka, PhD.	29
CHAPTER I: STUDIES	
	31
Алексей Комар, <i>Между Русью и Хазарией: Днепровское Левобережье IX века в свете современной археологии</i>	
Kathryn A. Haley-Halinski, <i>Paths of Belonging: Nomadic Identity and Ritual Place in the Rus' Funeral of Ibn Fadlan</i>	
Дарья Глебова, <i>Загадка как нарративный прием в Повести временных лет: хазарская дань и византийский визит княгини Ольги</i>	35
Martin Bürger, <i>K otázce vzniku státu východních Slovanů a Volžských Bulharů</i> 47	
Наталья Хамайко, <i>Кочевнические элементы в материальной культуре Руси X века (на примере погребений Шестовицкого могильника)</i>	57
Алевтина Плешивенко, <i>Русь и печенеги в свете археологических памятников Нижнего Поднепровья</i>	65
Алексей Мартынюк, <i>Народ ан-н.бариййа у ал-Идриси: прямое прочтение источника</i>	73
Степан Темушев, <i>География и динамика половецких набегов на Русь (вторая половина XI – начало XIII века)</i>	83

Каролина Гуревич, <i>Половецкие патронимы в древнейших русских летописях: генеалогия половецкого рода, взаимодействующего с Русью, 95 и „долголетие” половецких князей</i>	
Nataliia Rudyka, <i>Ruthenians' influence on Cumans' jewellery (on example of 111 earrings)</i>	
Радослав Ливох, <i>Позднекочевнический могильник в Росаве. Новая интерпретация. Каталог артефактов (выбор)</i>	131
Анэта Голэмбовская-Тобиаш, <i>Позднекочевнический могильник в Росаве. Новая интерпретация. Сравнительный анализ</i>	137
Александр Парахин, <i>Русско-половецкие отношения начала XIII века в представлении восточного автора (половцы и русские в рассказе Ибн-ал-Биби)</i>	147
Marek Druga, <i>Kimáni na hraniciach kultúr: k otázke ich postavenia a vnímania počas tatárskeho vpádu v Uhorsku a na Rusi</i>	155
Моника Каминьская, <i>Массовые захоронения времён монгольского нашествия в Центрально-Восточной Европе</i>	167
Андрей Стасюк, <i>Монгольское нашествие на Русь 1240–1241 гг. и францисканские мученики на страницах Annales Minorum Люка Ваддингга</i> ...	173
Дюра Гарди, <i>Матримониальная политика венгерского короля Бельи IV как ответ на монгольскую опасность</i>	183
Pavel Smrž, <i>Mongolové a rusko-livonské obchodní vzťahy ve 13. století</i>	
Роман Хаутала, <i>Русские летописи о религиозной политике хана Узбека (1313–1341) и его отношениях с княжествами Северо-Восточной Руси</i>	195
Sven Jaros, <i>Between the East and West. Crown Ruthenia between the Golden Horde and the rising power of the Polish Kingdom</i>	215
Андрей Федорук, <i>Начало „великой пороховой революции” в землях Руси и Золотой Орды</i>	229
Мария Лавренченко, <i>Побратимство в средневековой Руси: влияние традиций и их восприятие</i>	243
Анатолий Кузь, <i>Русские и татарские рабы в Крыму: из истории генуэзской работорговли XIV–XV веков</i>	249
Оксана Господаренко, <i>Илliche – генуэзский замок в низовьях Днепра: к проблеме итальянско-ордынской торговли в XIV–XV веках</i>	
Светлана Валиулина, <i>Русские в татарском городе XV века и ноги у его стен: проблема межкультурного взаимодействия по материалам раскопок города Торецкое</i>	259
	273

Владислав Гулевич, <i>Несколько наблюдений относительно проблемы „пожалования” русских земель Казимиру IV в ярлыках крымских ханов Хаджи Гирея 1461 г. и Менгли Гирея 1472 г.</i>	
Константин Святнюк, <i>Литовско-польские упоминки Крымскому ханству в 1500–1540 гг.: к проблеме изучения механизма выплат</i>	
Родион Попель, <i>Киевская земля Великого княжества Литовского и татарские ханства: формы взаимодействий от XIV века до второй половины XVI века</i>	285
Борис Черкас, <i>Крымско-османская осада Черкасс в марте 1532 года</i>	287
Lukáš Rybár, <i>Astrachán a jej úloha v rusko-ázijskom obchode do roku 1556</i>	
Рустам Бегеулов, <i>Северокавказские тюрки во взаимоотношениях с Московским государством в XVI веке</i>	
Norbert Mika, <i>Tatarská otázka v politických misích císařských kurýrů a poslů k moskevskému dvoru v letech 1587–1589</i>	
Tatána Součková, <i>Vliv mýtu o tatarském původu na dobový obraz Borise Godunova</i>	289

CHAPTER II: DEBATES

291

Debata I. <i>Enemy, mercenary, ally?: Rus and the Polovtsians in the light of the chronicles and archeology</i>	
Debata II. <i>The image of the Mongols and Tatars in the Russian chronicles of the 13th–15th centuries</i>	293

CHAPTER III: LITERATURE REVIEW

295

Jarosław Dudek, <i>Chazarowie. Polityka, kultura religia. VII–XI w.</i> , Warszawa: PWN, 2016, 504 s. – Michał Beczek	
Aleksander Paroń, <i>Pieczyngowie. Koczownicy w krajobrazie politycznym i kulturowym średniowiecznej Europy</i> , Wrocław: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2015, 520 s. [Олександр Паронь, <i>Печеніги. Кочівники на політичному і культурному фоні середньовічної Європи</i> , Вроцлав: Інститут археології і етнології Польської Академії Наук, 2015, 520 с.] – Віталій Нагірний	299
Федор Успенский, Анна Литвина, <i>Русские имена половцев. Междинастические контакты сквозь призму антропонимики</i> , отв. ред. Ю. В. Каргалицкий, Москва: Полимедиа, 2013, 280 с. [Федір Успенський,	301

Анна Літвіна, *Руські імена половців. Міждинастичні контакти через призму антропоніміки*, відп. ред. Ю. В. Каргицький, Москва: Полеміада, 2013, 280 с.] 303

Степан Н. Темушев, *Налого и дань в Древней Руси*, Минск: Белорусский государственный университет, 2015, 278 с., [Stiepan Temuszew, *Podatki i dani-na w średniowiecznej Rusi*, Mińsk: Białoruski Państwowy Uniwersytet, 2015, 278 s.] – Arkadiusz Siwko 305

Богдан Томенчук, *Галич і Мала Галицька земля XII–XIII ст.: Історична топографія городищ*, Івано-Франківськ: Симфонія форте, 2016, 596 с. [Bogdan Tomenczuk, *Halicz i Mała ziemia halicka XII–XIII w. Topografia historyczna grodzisk*, Iwano-Frankiwnsk: Symfonia forte, 2016, 596 s.] – Vitaliy Nagirnyy 305

Dariusz Dąbrowski, *Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w.*, Kraków: Avalon, 2016, 412 s. [Даріуш Домбровський, *Король Русі Данило Романович. Про руську князівську родину, суспільство та культуру в XIII ст.*, Краків: Авалон, 2016, 412 с.] – Мирослав Волощук 307

Роман Хаутала, *От „Давида, царя Индий” до „ненавистного плембса Сатаны”*. Антологія раних латинських свєдений о татаро-монголах, Казань: Інститут історії ім. Ш. Марджани АН РТ, 2015, 496 с. (Серія: Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage, вып. 2) [Roman Hautala, *Od „Dawida, cara Indii” do „znieprawidzonego plebsu Diabla”*. *Antologia wczesnych łacińskich wiadomości o Tataro-Mongolach*, Kazań: Instytut historii im. Sz. Mardżani AN RT, 2015, 496 s. (Seria: *Jazma Miras. Dziedzictwo pisemne. Textual Heritage*, t. 2)] – Norbert Mika 309

Александар Узелац, *Под сенком пса: Татари и јужнословенске земље у другој половини XIII века*, Београд: Утопија, 2015, 324 с. [Aleksandar Uzelac, *W cieniu psa. Tatarzy i ziemie południowostowiańskie w drugiej połowie XIII wieku*, Belgrad: Utopia, 2015, 324 s.] – Norbert Mika 311

Владимир Рудаков, *Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV в.*, Москва: Квадрига, 2014, 272 с. [Władimir Rudakow, *Mongolo-Tatarzy oczami staroruskich pisarzy połowy XIII – XV wieku*, Moskwa: Kwadryga, 2014, 272 s.] – Marcin Klemenski 313

Борис Черкас, *Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XV ст.)*, Київ: Інститут історії України НАН України, 2014, 386 с. [Борис Черкас, *Западные владения Улуса Джучи: политическая история, территориально-административное устройство, экономика, города (XIII–XV ст.)*, Киев: Інститут історії України НАН України, 2014, 386 с.] – Мирослав Волощук 317

<i>Русь „після Русі”. Між короною і булавою. Українські землі від королівства Русі до війська запорозького</i> , авт. кол. В. М. Горобець, М. М. Волощук, А. Г. Плахонін, Б. В. Черкас, К. Б. Галушко, Харків 2016, 352 с. – Юрій Довган	318
<i>Bitwa pod Orszą</i> , red. M. Nagielski, Warszawa: Neriton, 2016, 242 s. – Kamil Kaszor	
Анвар Аксанов, <i>Казанское ханство и Московская Русь: межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования</i> , Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016, 288 с. – Рустам Бегеулов	319
Юрый М. Бохан, Сцяпан М. Цемушаў, <i>Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да канца XV ст.</i> , Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2016, 168 с. [Jurij Bochan, Stiepan Temuszew, <i>Historia Białorusi od czasów najdawniejszych do końca XV w.</i> , Mińsk: Centrum Wydawnicze BPU, 2016, 168 s.] – Arkadiusz Siwko	322
Лукáš Рыбар, <i>Širván a jeho postavenie v európskom obchode (16.–17. storočie)</i> , Bratislava: Katedra všeobecných dejín, 2014, 132 s. (Seria: <i>Acta historica Posoniensia</i> , vol. 26) [Лукаш Рыбар, <i>Ширван и его статус в европейской торговле (XVI–XVII века)</i> , Братислава: Кафедра всемирной истории, 2014, 132 с. (Серия: <i>Acta historica Posoniensia</i> , т. 26)] – Адам Месяркин	324
<i>Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы</i> , вып. 9, ред. А. В. Мартынюк и Г. Я. Голенченко, Минск: Издательство РИВШ, 2016, 252 с. [<i>Studia Historica Europae Orientalis: Studia nad dziejami Europy Wschodniej</i> , red. A. W. Martyniuk i G. Ja. Golenchenko, Mińsk: Wydawnictwo RIWSH, 2016, 252 s.] – Marcin Klemenski	325
<i>Галич: Збірник наукових праць</i> , вип. 1, ред. М. Волощук, Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2016, 208 с. [<i>Halič: Zbornik odborných prác</i> , т. 1, ред. М. Vološčuk, Ivano-Frankivsk: Lileya-NV, 2016, 208 s.] – Viktor Adamovič	
<i>Societas Historicorum</i> , nr 64: <i>Wydanie specjalne Colloquia Russica</i> , Kraków 2015, 46 s.; <i>Societas Historicorum</i> , nr 69: <i>Wydanie specjalne Colloquia Russica</i> , red. A. Szolc, V. Nagirnyu, Kraków 2016, 56 s. – Магдалена Фрончек	
Information anout authores	

Алексей Комар
(Киев)

Между Русью и Хазарией: Днепроовское Левобережье IX века в свете современной археологии

Письменные источники содержат крайне мало информации об исторических событиях IX века в Поднепровье, когда Русь впервые появилась на политической арене. Ресурс этих источников уже давно исчерпан. Новые данные могут быть получены только путем анализа археологических источников, имеющих тенденцию к постоянному накоплению. В контексте проблемы взаимоотношений ранней Руси и Хазарии основной интерес в настоящее время концентрируется на нескольких группах „археологических событий”. Наиболее важные из них – катастрофический финал волынцевской археологической культуры в начале IX века и резкие изменения ареала распространения арабских дирхемов в Восточной Европе около 812–816 гг. Изменения в развитии материальной культуры славянских племен в Левобережном Поднепровье в IX веке маркируют резкое снижение хазарского влияния, что может быть связано с рядом политических и экономических событий в процессе формирования древнерусского раннегосударственного объединения.

Непросто отыскать пример другого исторического периода, о котором было бы известно так мало, но написано так много, как о IX веке в истории Руси и Восточной Европы в целом. Диспропорция объема фактических данных источников и аналитических работ просто огромна, а количество взаимоисключающих концепций, пожалуй, давно перешло разумные рамки. Модификации старомодных „норманизма” и „антинорманизма” постепенно обособились в самостоятельные современные историографические направления, в свою очередь, дробящиеся далее, накапливая всё новые точки расхождений между исследователями.

В обобщающих, монографических и диссертационных работах начальных десятилетий XXI века весь спектр таких расхождений в концептуальных и ме-

тодических подходах представлен особенно ярко¹. Заметно эволюционировали и оценки достоверности древнейшей части сообщений *Повести временных лет* – от безусловного доверия повествованию до его восприятия лишь как поздней компиляции топонимических легенд с греческими хронографами и криптоцитатами из христианских религиозных текстов. При жестком критическом подходе от событийной канвы истории Руси IX века и вовсе остаются всего два достоверно верифицированных события – посольство русов 838–839 г. в Византию и затем в Ингельхайм в 839 г., а также нападение флота на Константинополь в 860 г. Что же происходило ранее 838 г. или в промежуток 839–860 гг. – реконструируется исключительно благодаря догадкам или моделированию по аналогиям.

Несмотря на крайнюю лаконичность сведений письменных источников о периоде, полноценное привлечение данных археологии происходит медленно, прежде всего, из-за специфики процедуры трансформации „археологических фактов” в исторические, требующей уверенной и максимально узкой хронологизации материала. Последнее же не всегда объективно возможно при ограниченности хронологических маркеров в комплексах. „Широкие” даты оставляют лазейки для серьёзных сдвигов „археологических событий” во времени, понижая тем самым

¹ См.: А. В. Назаренко, *Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей X–XII вв.*, Москва 2001; М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв.*, Санкт-Петербург 2003; И. Н. Данилевский, *Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов*, Москва 2004; А. А. Горский, *Русь: От славянского расселения до Московского царства*, Москва 2004; W. Duczko, *Viking Rus: Studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe*, Leiden–Boston 2004; В. В. Енуков, *Славяне до Рюриковичей*, Курск 2005; А. Н. Сахаров, *Древняя Русь на путях к „Третьему Риму”*, Москва 2006; А. С. Щавелев, *Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян*, Москва 2007; А. С. Клейн, *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон*, Санкт-Петербург 2009; Е. А. Шинаков, *Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект*, Москва 2009; В. Я. Петрухин, *„Русь и все языки”. Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки*, Москва 2011; *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*, Москва–Вологда 2012; И. Я. Фроянов, *Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть*, Москва 2012; П. П. Толочко, *Ранняя Русь. История и археология*, Санкт-Петербург 2013; О. Моця, *Дніпровська Русь*, Київ 2013; В. Я. Петрухин, *Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры*, Москва 2014; Т. М. Калинина, В. С. Флёров, В. Я. Петрухин, *Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры*, Москва 2014; В. А. Шорохов, *Внешний фактор в истории Руси в конце VIII – середине IX в.: диссертация ... кандидата исторических наук*, Санкт-Петербург 2014; А. П. Толочко, *Очерки начальной Руси*, Киев 2015; Т. Віакул, *Літопис і хронограф: Студії з текстології домонгольського кийського літописання*, Київ 2015; П. П. Толочко, *Откуда пошла Русская земля*, Киев 2016 и др. Отдельные линии представляют маргинальные концепции о „балто-славянском”, „сармато-аланском”, „гото-аланском” происхождении Руси: *Сборник Русского исторического общества*, т. 8 (156): *Антинорманизм*, Москва 2003; Е. С. Галкина, А. М. Родригес, *Кочевая периферия восточных славян и Руси: этнополитические процессы*, Москва 2003; Я. Л. Радомский, *Этнический состав Причерноморской Руси: диссертация ... кандидата исторических наук*, Москва, 2004; В. В. Фомин, *Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу*, Москва 2005; В. В. Фомин, *Начальная история Руси*, Москва 2008; *Изгнание норманнов из русской истории*, Москва 2010; Е. С. Галкина, *Русский казанат. Без хазар и норманнов*, Москва 2012; В. В. Фомин, *Гольий конунг: Норманизм как диагноз*, Москва 2013 и др.

значение археологических источников для реконструкции событийной картины прошлого. Отсюда, как только перед археологией возникает задача исторической реконструкции, первым шагом всегда выступает точное позиционирование исследуемых комплексов, памятников, явлений на абсолютной временной шкале. Только при достижении такого наблюдения из области материальной культуры уточняют содержание событий исторических или же позволяют констатировать новые факты, не известные ранее из письменных источников.

VIII век для ареала большинства славянских археологических культур Восточной Европы покажется на удивление спокойным и малонасыщенным примечательными изменениями. Исключение – формирование волынцевской культуры, занимавшей Днепровское Левобережье и небольшую полосу Правобережного Приднепровья на Киевщине, с отдельными „выплесками” в Верхнее Подесенье и бассейн Верхней Оки. В этнографическом описании *Повести временных лет* этот ареал делился между четырьмя разными славянскими союзами племён: полянами, северянами, радимичами и вятичами, все из которых перечислены летописью в качестве данников хазар. Именно в волынцевских комплексах встречаются прямые салтовские импорты (кухонная и тарная посуда, предметы вооружения и снаряжения коня, украшения пояса, серьги, бусы), а также созданные под салтовским влиянием группы собственно волынцевских предметов (гончарная посуда, железные орудия труда), ярко демонстрирующие прямые контакты рассматриваемой группы славянского населения с Хазарским каганатом². Ареал памятников волынцевской культуры близко совпадает с ещё двумя примечательными в историческом плане ареалами – зоной распространения „антских” кладов VII века, а также северной границей погребений и комплексов перецепинской культуры, отражающих вторжение кочевников в лесостепь во второй половине VII века, в эпоху активной экспансии хазар на запад в Восточной Европе³.

² Научный архив Института археологии НАН Украины, Ф. 12: С. П. Юренко, *Днепровское лесостепное Левобережье в VIII–VIII вв. I тыс. н.э. (волынцевская культура): диссертация... кандидата исторических наук*, Киев 1982. См. также: О. А. Щеглова, *Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа*, [in:] *Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи*, Воронеж 1987, с. 77–83; О. В. Сухобоков, *Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.)*, Київ 1992, с. 16–36, 60–66; Idem, *До походження та інтерпретації пам'яток волинцевського етапу культури літописних сіверян*, „Археологія”, 1999, 2, с. 25–40; А. В. Григорьев, *Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным*, Тула 2000, с. 15–21, 173–177; А. В. Комар, *Поляне и северяне*, [in:] *Древнейшие государства Восточной Европы 2010 г.*, Москва 2012, с. 140–151.

³ См. детальнее: И. О. Гавригунин, А. М. Обломский, *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*, Москва 1996, рис.1; 106; А. В. Комар, *Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным*, [in:] *Хазары*, Москва–Иерусалим 2005, с. 207–214; Idem, *Погребение кочевника нач. VIII в. у села Журавлиха в Среднем Поднепровье*, [in:] *Степи Европы в эпоху средневековья*, т. 5, Донецк 2006, т. 5, с. 407–411; Idem, *Перецепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в.*, [in:] *Степи Европы в эпоху средневековья*, т. 5, рис.1.

На смену волынцевской культуре на Левобережье Днепра пришла роменская, заметно уступающая волынцевской в уровне гончарного производства и интенсивности культурных контактов с ареалом Хазарского каганата. Такая „деградация”, противоречащая теории стадийного развития обществ, долгое время ставила в тупик исследователей проблемы, заставляя либо видеть в „волынцевцах” особую культурную и этническую группу населения, синхронную „роменцам”, либо подозревать какие-то разрушительные по последствиям исторические события конца VIII – середины IX века⁴.

После новой фазы исследований (1984–1989) городища Битица I на р. Псёл, когда было установлено распространение картины пожара по всей площади памятника, а также обнаружены клады и останки незахороненных погибших жителей городища в котлованах жилищ⁵, версия о катастрофическом финале волынцевской культуры начала приобретать всё более веские основания. Такая же картина (клад и останки погибших жителей) в 2002 г. была прослежена раскопками в Посулье на волынцевском поселении Мельники I возле с. Андрияшевка в 120 км на юго-запад от Битицкого городища⁶. Горелые жилища, часто с раздавленными полными сосудами, открыты также на других волынцевских поселениях с обширной географией: в Приднепровье – Киев (Старокиевская гора), Обухов II, Бучак Столпяги; Подесенье – Шестовица, Целиков Бугор; Посемье – Волынцево; бассейне Псла – Гочево III. На поселении Волынцево (ур. Стан) с эпизодом гибели поселения также могут быть связаны экстраординарные погребения детей в хозяйственных ямах, перекрывавших более раннее жилище № 25⁷.

Датировка финала волынцевской культуры на данный момент основывается на трёх ключевых наблюдениях. Первое: набор женских и мужских украшений горизонта разгрома Битицы отличается от состава Фотовижского клада⁸ и отражает следующую стадию эволюции материальной культуры славянского населения региона. Второе: набор украшений пояса, оружия и конского снаряжения салтовского облика из поздневолынцевских комплексов (Битица, Ходосовка, „Севский клад”) соответствует признакам салтовского горизонта II (ок. 790–835 гг.), но

⁴ Обзоры, см.: А. В. Комар, *Поляне и северяне*, с. 132–139; Я. В. Володарець-Урбанович, Ю. О. Пуголюк, *До історії вивчення волинцевських старожитностей*, „Археологія”, 2012, 4, с. 122–128.

⁵ О. В. Сухобоков, Г. А. Вознесенская, В. В. Приймак, *Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища*, [in:] *Древние славяне и Киевская Русь*, Киев 1989, с. 92–105; О. В. Сухобоков, С. П. Юренко, *О погребальной обрядности носителей волынцевской культуры (по материалам Битицкого городища)*, [in:] *Археология и история Юго-Востока Древней Руси*, Воронеж 1993, с. 40–43; О. В. Сухобоков, *До походження та інтерпретації пам'яток волинцевського етапу культури літописних сіверян*, „Археологія”, 1999, 2, с. 25–30 и др.

⁶ Г. В. Жаров, Р. В. Терпиловский, *Знахідка сіверянських прикрас у верхоріччі Сули*, „Пам'ятки України”, 2003, 4, с. 20–22; Idem, *Скарб срібних прикрас VIII століття з Андріяшівки на Сулі*, Київ 2004.

⁷ Д. Т. Березовец, *Новые раскопки в с. Волынцево*, [in:] *Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг.*, Киев 1967, с. 166–169.

⁸ См.: А. В. Комар, М. А. Стрельник, „Репрессированный” клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж, „Stratum plus”, 5, 2011, с. 143–164.

не включает более поздних элементов горизонтов III–V⁹. Третье: ни в одном из исследованных на данный момент волынцевских погребальных, поселенческих комплексов или кладов не обнаружено дирхемов или иных восточных монет, что трактуется обычно как предшествование времени существования волынцевской культуры началу массового поступления дирхема в Восточную Европу¹⁰.

Проблема вовлечения славян в торговлю с Востоком в обмен на монетное серебро рассмотрена нами отдельно¹¹, здесь мы коснёмся только наиболее важных выводов. Александр Григорьев опирался в своей хронологической схеме для волынцевских и роменских памятников на периодизацию обращения дирхема в Восточной Европе Владислава Кропоткина, датировавшего первый период 800–833 гг.¹² Начало первого периода обращения дирхема Томас Нунан также вначале определял по Роману Фасмеру и В. Кропоткину – ок. 800 г., но затем нижняя граница этого периода была им опущена до „ок. 775 г.¹³”. Опираясь на находку в слое ЕЗ-3 (750–760) Земляного городища Старой Ладоги дирхема 699/700 г. чеканки, а также дирхемов VIII века на близких по времени поселениях в округе Ладоги, Анатолий Кирпичников полагал, что начало поступления восточного серебра на север Восточной Европы началось как минимум в 60-х гг. VIII века¹⁴. На основании того же круга находок и восточной монеты в комплексах салтовского круга Вячеслав Кулешов предложил выделять отдельную „ступень А (750/760–780/790)”, предшествующую собственно первому периоду обращения дирхема, в его понимании как начального периода транзитной торговли Европы с Востоком¹⁵.

⁹ См.: А. В. Комар, *Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы*, „Vita Antiqua”, 2, 1999, с. 129–132, табл. 4; Idem, *Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований*, [in:] *Археологія і давня історія України*, вип. 7: *Мадьяри в Середньому Подніпров'ї*, Київ 2011, рис. 13, 14.

¹⁰ О. В. Сухобоков, *Деякі спірні питання історії населення Дніпровського Лівобережжя у другій половині I-го тис. н. е.* [in:] *Старожитності Русі-України*, Київ 1994, с. 208; А. В. Григорьев, *Северская земля в VIII–начале XI в.*, с. 21; В. В. Приймак, *Путивльське удільне князівство Чернігово-Сіверщини*, Полтава 2007, с. 45.

¹¹ А. В. Комар, *Денежный счет восточных славян в предгосударственный период*, [in:] *Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год*, Москва 2017 (в печати).

¹² В. В. Кропоткин, *Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII–первой половине IX в.*, [in:] *Славяне и Русь*, Москва 1968, с. 72–79; А. В. Григорьев, *Северская земля в VIII–начале XI в.*, с. 21.

¹³ T. S. Noonan, *Why Dirhams First Reached Russia: The Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe*, [in:] *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, vol. 4, Wiesbaden 1984, p. 151–282; Idem, *When Did Rus/Rus' Merchants First Visit Khazaria and Baghdad?* [in:] *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, vol. 7, Wiesbaden 1987–1991, p. 213–219; Idem, *The Economy of the Khazar Khaganate*, [in:] *The World of the Khazars*, Leiden–Boston 2007, p. 233–235.

¹⁴ А. Н. Кирпичников, *Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья*, [in:] *Славяне и Русь*, Киев 1979, с. 97–98; Idem, *Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований)*, [in:] *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*, Ленинград 1985, с. 21–22.

¹⁵ В. С. Кулешов, *Хронология обращения монет Халифата в Восточной Европе (VIII–IX вв.)*, [in:] *XVI Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург–Репино, 18–23 апреля 2011 года)*, Санкт-Петербург 2011, с. 46–47.

Хорошей иллюстрацией раннего этапа монетного обращения у населения салтовской культурно-исторической общности бассейна Северского Донца выступает п.164Б могильника Нетайловка. В погребении найдены византийский солид Константина V 751–757 гг. чеканки, 2 сасанидских драхмы – Хосрова I (531–579) и Хосрова II (591–628), а также арабо-сасанидская монета наместника Табаристана Хуршида (740–761)¹⁶. Все три серебряные монеты пробиты для ношения, младшая также заметно затерта с лицевой стороны, тем не менее, выразительный раннесалтовский облик большинства предметов из погребения позволяет ограничить время его совершения периодом до 780/790 г., т. е. в рамках „ступени А” по В. Кулешову (750/760–780/790), и синхронизировать с волынцевским Фотовижским кладом¹⁷.

Абсолютное большинство дирхемов из салтовских комплексов отчеканены Аббасидами и Омейядами в VIII веке, но в случае находки в закрытом погребальном комплексе они обычно происходят из погребений более поздних салтовских горизонтов II–IV. При этом находки дирхемов IX века в салтовских погребениях и кладах редки и представлены лишь выпусками до 814 г.¹⁸, чуть более поздний дирхем 815/816 гг. происходит из случайных находок возле Райгородка¹⁹. Очень похожая ситуация с арабскими монетами наблюдается в Дагестане, где комплекс представляет клад из Карчага с младшей монетой 803/804 гг., а к случайным находкам относятся фельс 812/813 гг. из Дербента и динар 815/816 гг. из Кубачей²⁰. В комплексах контролируемой хазарами части Крыма младшие дирхемы 813/814 гг. чеканки включал Баклинский клад²¹.

¹⁶ О. Žironkina, *Seltene Perlenformen des chasarenzeitlichen Graberfeldes von „Netailovka” (Metallovka) am Nordlichen Donec (Severskij Donec)*, [in:] *Perlen. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte*, Bd. 1, Bonn 1997, s. 249–252; В. С. Аксёнов, *Фибулы из захоронений Нетайловского могильника как индикатор ранней группы личных украшений салтовского населения Подонцовья*, [in:] *Хазарский альманах*, т. 10, Харьков 2012, с. 16; А. А. Лаптев, *Ямные ингумационные могильники в салтовской лесостепи*, [in:] *Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтознавства*, вип. 3, Харків 2013, с. 94, ил. 3, 10–13.

¹⁷ А. В. Комар, *К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья*, [in:] *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия)*, Самара 2010, с. 185–189; А. В. Комар, М. А. Стрельник, *„Репрессированный” клад*, с. 160–162.

¹⁸ О. В. Иченская, *Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков салтовского могильника*, [in:] *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*, Киев 1982, с. 144–147; А. А. Тортика, *Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы*, Харьков 2006, с. 486–488; А. Лаптев, *Монеты в салтовских памятниках верхнего Подонцовья (Верхне-Салтовский IV-й катакомбный и Нетайловский грунтовой могильники)*, [in:] *I Международная научная конференция „РАСМИР”. Восточная нумизматика*, Киев 2013, с. 114–120.

¹⁹ В. В. Кропоткин, *Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе*, [in:] *Нумизматика и эпиграфика*, т. 9, Москва 1971, с. 91.

²⁰ В. В. Кропоткин, С. В. Гусев, *Находки сасанидских, византийских и куфических монет на территории Дагестанской АССР*, „Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae”, т. 45 (2–3), Budapest 1991, с. 403–420.

²¹ В. А. Сидоренко, *Подражания аббасидским дирхемам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени*, [in:] *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, вып. 9, Симфе-

Возможно, дальнейшие археологические находки в будущем смогут подкорректировать картину, но на данный момент приходится сделать однозначный вывод – после 815/816 гг. произошёл долговременный обрыв поступлений дирхема к населению ареала салтовской культурно-исторической области. Концом IX века может датироваться лишь клад из станицы Вешенской (с младшей монетой 874–892 гг.), достоверность даты которого, впрочем, невысока, поскольку из него сохранились и подверглись определению всего 4 монеты²². Следующим по времени выступает клад из Саркела, включавший дирхемы 907–962 гг. чеканки²³.

Прекращение поступлений восточной монеты к населению Хазарии выглядит достаточно странным на фоне сообщения письменных источников о посольстве хазар (вскоре после сильного голода в столичном Атиле) к визирю халифа ал-Ма'муна – ал-Фадлю ибн-Сахлю (813–818)²⁴ именно в период, когда, по археологическим данным, следовало бы ожидать повод к разрыву отношений.

Зеркальная картина наблюдается в ареалах славянских культур Восточной Европы, где с первых десятилетий IX века, наоборот, впервые появляются клады дирхемов. Так, в рамках ареала волынцевской культуры появляются клад 1848 г. из Нижней Сыроватки (младшая монета 812/813 г.) и клад 1959 г. из Нижних Новоселок (младшая монета 811/812 г. или 816/817 гг.). Несколько севернее, в предполагаемом ареале радимичей в Посожье, появляются клады из Яриловичей (младшая монета 820/821 г.) и Касаляк (младшая монета 823/824 г.). Далее на северо-запад расположены клады 1822 г. из Могилевской губернии и 1835 г. из Минской губернии с младшими монетами 802 г. чеканки. Заметна концентрация кладов данного периода и в вятичском Поочье, где клады IX века выпадают наиболее стабильно²⁵.

Небольшое Новотроицкое городище роменской культуры на р. Псёл, так же, как и Битицкое, носит следы разгрома (пожары, клады, раздавленные наборы посуды, „нетипичные” погребения людей в сгорелых жилищах). Но из его раскопок происходит денежно-вещевой клад из 10 монет (младшая монета 818/819 гг.) и лома серебряных украшений середины IX века, а в сгоревшем жилище № 1 най-

рополь 2002, с. 429–454.

²² А. К. Марков, *Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических)*, Санкт-Петербург 1900, № 49.

²³ В. В. Кропоткин, *Новые находки сасанидских и куфических монет*, с. 84.

²⁴ D. M. Dunlop, *The History of the Jewish Khazars*, Princeton–New-Jersey 1954, p. 188; М. И. Артамонов, *История хазар*, Ленинград 1962, с. 275.

²⁵ А. К. Марков, *Топография кладов восточных монет*, № 136; 141; 290; 301; В. А. Янин, *Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода*, Москва 2009, с. 100–105, рис. 5; В. В. Кропоткин, *О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе*, [in:] *Древняя Русь и славяне*, Москва 1978, с. 113; рис. 1; Idem, *Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе*, с. 79; А. А. Гомзин, *Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье. Автореферат диссертации... кандидата исторических наук*, Москва 2013, с. 12–16; А. С. Щавелев, А. А. Фетисов, *К исторической географии Восточной Европы IX – начала X в.: карта кладов и конфигурация торговых путей*, [in:] *Историческая география*, т. 2, Москва 2014, с. 41; карта 1.

ден пробитый для ношения дирхем 833/834 гг. чеканки²⁶. Несмотря на разные даты младших монет, оба объекта относятся к одному горизонту разгрома поселения, случившегося уже в последней трети IX века²⁷.

Что касается полянского Правобережного Приднепровья, то здесь к ранней стадии поступлений дирхема исследователи относят лишь комплексы с монетами городища Монастырёк культуры Луки-Райковецкой, сменяющей в данном регионе в IX в. волынцевские памятники²⁸. Впрочем, дирхем 740/741 г. в жилище 1 селища Монастырёк найден в комплексе уже с лепной и гончарной керамикой X века, ланцетовидным наконечником стрелы и блесновидной застежкой X века, а фельс 814 г. чеканки в жилище 2 городища сочетался с гончарной посудой X века. К более раннему горизонту заселения городища принадлежит только жилище 7 с дирхемом 761/762 г. чеканки, в котором, при преобладании лепной посуды, всё же найдены и фрагменты гончарной керамики IX – начала X веков²⁹.

Каким образом объяснить наблюдаемый парадокс, особенно в контексте распространённого убеждения о сохранении посреднической роли Хазарского каганата в „восточной” торговле до момента его гибели? Что за события ок. 812–816 гг. обусловили начало поступлений восточной монеты к славянам – бывшим данникам Хазарского каганата, при одновременном разрыве притока дирхема к населению ареала салтовской культурно-исторической области, т. е. собственно Хазарии, или, как минимум, вызвали серьёзнейший кризис поступлений монет? Связаны ли эти события с масштабным разгромом в ареале волынцевской культуры, произошедшим, согласно показаниям салтовских предметов из поздневолынцевских комплексов, в рамках первой трети IX века?

Ответ на вопрос, кто именно причастен к гибели Битицкого городища, вызвал заметные разногласия у исследователей. Так, Виктор Приймак связал её с событиями „гражданской войны” в Хазарии в начале IX века после принятия иудаизма беком хазар³⁰. К такому же объяснению склоняется и Владимир Енуков³¹. А. Григорьев модифицировал данную гипотезу, полагая, что в начале IX века славяне сами воспользовались ослаблением Хазарского каганата вследствие смуты и „изгнали иноплеменную верхушку” (т. е. „волынцевцев”), оставшись, тем не менее,

²⁶ И. И. Ляпушкин, *Городище Новотроицкое*, [in:] *Материалы и исследования по археологии СССР*, № 74, Москва 1958, с. 28, 52; рис. 15, 3; 34, 2.

²⁷ О дате, см.: А. В. Комар, О. В. Сухобоков, *Городище „Монастырище” и древнерусский Ромен: проблема преемственности*, [in:] *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.*, Київ 2004, с. 166–169; А. В. Комар, *Поляне и северяне*, с. 180–192.

²⁸ Л. П. Михайлина, *Слов'яни VIII–IX ст. між Дніпром і Карпатами*, Київ 2007, с. 152–153; О. Моця, *Дніпровська Русь*, с. 68–69.

²⁹ Е. В. Максимов, В. А. Петрашенко, *Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре*, Киев 1988, с. 14–15, 20, 63–64.

³⁰ В. В. Приймак, *Територіальна структура межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII – початку XI ст.*, Суми 1994, с. 14–15.

³¹ В. В. Енуков, *Славяне до Рюриковичей*, с. 50–51.

в подчинении хазар³². Другую версию предложил Евгений Шинаков, также рассматривая „волынцевцев” в качестве какого-то „иноэтничного населения”, но датируя разгром Битицкого городища (как опорного пункта сбора хазарской дани) последней третью IX века и связывая военную акцию с русами³³. Сергей Конча отнёс гибель городища к середине IX века, полагая, что оно представляло собой центр независимого славянского „государственного образования”, уничтоженно-го мадьярами³⁴.

Необъяснимым в свете версий Е. Шинакова и С. Кончи выглядит полное отсутствие дирхемов на Битицком городище, если оно представляло центр сбора дани уже в период поступлений восточной монеты к славянам. Обе также лишены хронологической части аргументации и представляют классический вариант использования „широких датировок” для подгонки „археологического события” под заданный письменными источниками хронологический диапазон.

Обратная ситуация с моделью „гражданской войны в Хазарии”, поскольку её датировка Михаилом Артамоновым 20–30-ми гг. IX века была основана как раз на представлениях автора об археологической дате разгрома Правобережного Цимлянского городища³⁵. При определении последней М. Артамонов ориентировался на клад дирхемов с младшими монетами 809–813 гг., а также исходил из представления о Правобережном Цимлянском городище как предшественнике левобережной крепости – Саркела, возведенной в 838–839 гг. Новые исследования Правобережного городища от такой идеи заставили полностью отказаться – крепость, несомненно, существовала некоторое время параллельно с Саркелом или даже была построена синхронно с ним, на что указывают находки в слое и заполнении объектов характерных саркельских кирпичей³⁶. Что же касается времени сокрытия клада, найденного у ног погибшей женщины, то более показательно фрагментированное состояние абсолютного большинства его монет, а не дата чеканки младшей (806/807)³⁷, принадлежащей к одним из последних поступлений восточной монеты к хазарам в начале IX века.

Согласно сообщению *Кембриджского Анонима* иудей-военачальник стал царем Хазарии только после религиозного диспута³⁸, дата которого точно известна

³² А. В. Григорьев, *Население междуречья Днепра и Дона в VIII – первой половине XI вв.*, [in:] *Древнейшие государства Восточной Европы 2010 г.*, Москва 2012, с. 113–114.

³³ Е. А. Шинаков, *Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект*, Брянск 2002, с. 125–126.

³⁴ С. Конча, *До питання про державність у Середньому Подніпров'ї перед початком Києво-руської доби*, „Українознавчий альманах”, 8, 2012, с. 100–101.

³⁵ М. И. Артамонов, *История хазар*, с. 317–323.

³⁶ В. С. Флёров, *Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг.* [in:] *Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии*, вып. 4, Симферополь 1994 (1995), с. 486; Idem, *Города и замки Хазарского каганата. Археологическая реальность*, Москва 2010, с. 45–50.

³⁷ И. Г. Добровольский, И. В. Дубов, Ю. К. Кузьменко, *Граффити на восточных монетах*, Ленинград 1991, с. 10.

³⁸ N. Golb, O. Pritsak, *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*, Ithaca–London 1982, p. 107–

благодаря миссии Константина Философа. По состоянию на 861 г. всё ещё оставались союзниками хазар и мадьяры, осаждавшие Хернонес, тогда как после смуты именно к ним сбежала и присоединилась проигравшая группа хазар – кавары (кабары)³⁹. Источники первый раз упоминают кавар как союзников мадьяр лишь в 881 г., во время вторжения в земли франков: „Первая война с Унграми под Веннией. Вторая война с Коварами под Кульмите”⁴⁰. Таким образом, восстание кавар и разрыв отношений хазар с мадьярами приходится на промежуток 861–881 гг. и никак не могут быть связаны с бурными событиями начала IX века в ареале волынцевской культуры.

Подозрения в причастности самих мадьяр, кроме более поздней даты их появления в Северном Причерноморье – 824–831 гг.⁴¹, снимает также „фактор дирхема”. Гипотетические набеги мадьяр в славянские земли никоим образом не могли вызвать приток сюда восточного монетного серебра, как и прервать его поступление в Хазарию. Более того, в комплексах известных на данный момент памятников типа Субботцев, отождествляемых с культурой древних мадьяр, всё ещё не обнаружено ни одного дирхема. В том, что это не случайность, убеждает Больше-Тиганский могильник, оставленный группой мадьяр в Поволжье, где монет также нет в ранней части погребений IX века, а появляются дирхемы лишь после 900 г.⁴² Переселение мадьяр на запад от Урала началось после прекращения массового притока дирхема в салтовский ареал, но ситуация отсутствия в субботцевских погребениях Причерноморья даже фрагментированных монет VIII века сходна с картиной, наблюдаемой в волынцевской культуре – тесные культурные связи с салтовским населением совсем не гарантировали получение от него монетного серебра. И, напротив, документировано поступавшие в ареал восточных славян в середине – второй половине IX века дирхемы по какой-то причине не попадали в процессе обмена даже к ближайшим соседям – мадьярам и салтовскому населению Подонья. Если часть славян – данников хазар всё ещё продолжали в этот период платить дань каганату, то делалось это несомненно не монетой.

Опираясь на картину заметного ослабления ремесленных и культурных влияний Хазарии на Левобережье Днепра на этапе роменской культуры в IX веке, нами было высказано предположение, что пожары на волынцевских поселениях и разгром Битицкого городища могут объясняться набегами ранних русов и более ранним, чем представлялось прежде, переподчинением славянских данников

113.

³⁹ Детальнее, см.: А. В. Комар, *Древние мадьяры Этелькеза*, с. 32–37.

⁴⁰ Н. Bresslau, *Annales ex Annalibus Iuvavensibus Antiquis Excerpti*, [in:] *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*, т. 30, pars 2, Berlin 1934, p. 742.

⁴¹ См.: А. В. Комар, *Древние мадьяры Этелькеза*, с. 27–29.

⁴² Е. А. Chalikova, А. Н. Chalikov, *Altungarn an der Kama und im Ural: das Gräberfeld von Bolschie Tigani*, Budapest 1981 (Серия: *Régeseti Füzetek. Ser. II, № 21*); А. Х. Халиков, *Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней Родине)*, [in:] *Проблемы археологии степей Евразии*, Кемерово 1984, с. 122–133.

Хазарии⁴³. Эту гипотезу поддержал Сергей Воронятов⁴⁴, а Александр Моця отметил, что выходу русов на политическую арену в 838–839 гг. должно было предшествовать успешное противостояние с Хазарией в борьбе за контроль над Поднепровьем⁴⁵. А. Григорьев, напротив, счёл гипотезу неправдоподобной, полагая, что военные акции русов подобного масштаба потребовали бы создания поблизости опорных „дружинных” центров, в то время как археологии такие памятники пока не известны⁴⁶.

Проецируя на начальные фазы истории русов „дружинную” модель Руси X века, А. Григорьев следует логике древнерусских летописцев, описавших прибытие варягов-руси в IX веке исключительно через модель оседания в славянских городах (градах). Реалии ранней эпохи викингов в Западной Европе в IX веке были совсем иными, и на этот факт справедливо обратил внимание Алексей Толочко, отказавшись от поиска „опорных центров” даже для „армии 860 года”, совершившей нападение на Константинополь⁴⁷.

Несложно заметить, что, при всей обширности ареала гипотетического набега начала IX века, в локализации волынцевских поселений со следами разгромов или пожаров прослеживается одна общая закономерность – все они находятся далеко от границ степи и непосредственно на берегах крупных речных магистралей (Днепр, Десна, Сейм, Сула, Псёл, Стугна). Показателен также пример поселений Столпяги и Бучак, на которых исследованы сгоревшие жилища с наборами оставленной в спешке посуды. Указанные поселения располагались почти напротив на разных сторонах Днепра, и одновременное нападение на них возможно лишь для неприятеля, передвигавшегося на судах. Такое же характерное „береговое” расположение наблюдаем и у наиболее ранних кладов дирхемов в бывшем волынцевском ареале.

Историческая конструкция автора *Повести временных лет* подразумевала формирование территории Руси в Среднем Поднепровье как процесс поэтапного освобождения славянских племён от хазарской дани и её переадресации на Киев. Именно этим занимались летописные князья Аскольд и Дир, Олег, Игорь, Святослав и Владимир. Реальность первых двух правителей и историчность их деяний откровенно сомнительны, учитывая вероятность заимствования их имён из топонимических легенд – объяснений названий двух „могил” (курганов), реально существовавших в Киеве во времена летописца⁴⁸. Мало кто из исследова-

⁴³ О. В. Комар, *Про час і обставини прийняття титулу „хакан” правителем русів*, [in:] *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст.*, Чернівці 2003, с. 103–106; А. В. Комар, О. В. Сухобоков, *Городище „Монастырище” и древнерусский Ромен*, с. 166–168.

⁴⁴ С. В. Воронятов, *Волынцевская культура и Русский каганат*, [in:] *Альманах молодых археологов 2005. По материалам II международной студенческой научной конференции „Проблемы культурогенеза и древней истории Восточной Европы и Сибири”*, Санкт-Петербург 2005, с. 199–210.

⁴⁵ О. Моця, *Дніпровська Русь*, с. 72.

⁴⁶ А. В. Григорьев, *Население междуречья Днепра и Дона*, с. 113–114.

⁴⁷ А. П. Толочко, *Очерки начальной Руси*, с. 136–151.

⁴⁸ *Ibidem*, с. 47–48.

телей безропотно поверит и в идеалическую картину подчинения славян пришельцам-варягам по „ряду”. Несомненно к области реконструкций принадлежит и хронологическая сетка летописи в части событий IX века.

Анализ „археологических событий” первой половины IX века предлагает другую модель. Начальный кратковременный этап проникновения русов (ок. 800–815 гг.) носил характер речных грабительских набегов без попыток закрепиться надолго и, тем более, без планомерного захвата территорий. На втором этапе (ок. 815–860 гг.) разведанные маршруты осваивали речной торговлей купцы, предложившие славянам в обмен на товар серебряный дирхем, по каким-то причинам, не поступавший к данникам Хазарского каганата ранее 812–815 гг. Новый маршрут через Поочье выходил на Волжский путь, полностью исключив из обмена салтовский ареал Подонья. Удалось ли русам найти возможность безопасного сплава по Волге или же волжский отрезок пути перешёл в исключительную монополию „царской” администрации Атиля – пока остаётся загадкой. Реальным же оказывается факт экономической заинтересованности купцов-русов в продуктах промыслов восточных славян и самих славян в торговых контактах с русами в обмен на монетное серебро. Именно этот экономический базис и заложил предпосылки для постепенной консолидации части славянских данников Хазарии в новое раннегосударственное образование в Среднем Поднепровье.

*

Oleksii Komar, *Between Rus' and Khazaria: Dnieper Left Bank region of the 9th century in the light of recent archaeology*

Written sources contain only little information about historical events at the Dnieper region in the 9th century when Rus' firstly appeared at the political scene. The resource of these sources has been exhausted long ago. New data can be obtained only by analyzing of archaeological sources which tend to increase. In the context of relationship problems between Early Rus' and Khazaria the basic interest concentrates on some groups of „archaeological events”. The most important ones – disastrous end of the Volyntsevo archaeological culture at the beginning of the 9th century and abrupt changes of areas of Arab dirkhams distribution in East Europe circa 812–816 A. D. Changes in cultural development of Slavonic tribes at the Dnieper Left Bank region in the 9th century mark rapid decrease of the Khazarian influence that can be correlated with some political and economical events in the formation of Early Rus' state.

*

Oleksii Komar, *Mezi Rusí a Chazarskou říší: oblast levého břehu Dněpru 9. století ve světle současné archeologie*

Psané prameny poskytují pouze málo informací o historických událostech v dněperské oblasti v 9. století, kdy se Rus poprvé dostává na politickou scénu. Pramen těchto zdrojů byl již dávno vyčerpán. Nová data lze získat pouze analýzou archeologických pramenů, které se rozrůstají. V kontextu problematiky vztahů mezi ranou Rusí a Chazarskou říší se naše pozornost upírá k určitým skupinám archeologických nálezů. Jeden z nejdůležitějších představuje zánik archeologické kultury Volyntseva na počátku 9. století a prudké změny v oblastech distribuce arabských dirkhamů ve východní Evropě ca 812–816 n. l. Změny v kulturním rozvoji slovanských kmenů v oblasti levého břehu Dněpru v 9. století poznamenal rychlý ústup chazarského vlivu, který se může shodovat s některými politickými a ekonomickými událostmi při formování státu rané Rusi.